

Талант Андрея Тарковского наградили 20-ю годами травли «сверху»

Письма к отцу он подписывал «несчастный и замученный ваш сын Андрей». А ведь после «Андрея Рублёва», которого Тарковский снял в 1966 г., его уже величали гением и классиком. Но взлёт случился ещё раньше - в 1960-м, когда он, с отличием окончив ВГИК, был сразу принят на «Мосфильм» и уже в 1962-м снял первую полнометражную картину «Иваново детство». Ему было 30 лет. Перевернуть мир Фильм тут же получил «Золотого льва» на 23-м Венецианском кинофестивале. Им восхищались Жан-Поль Сартр, Ингмар Бергман, Альберто Моравиа. Учитель же Тарковского и советский классик кино Михаил Ромм повторял: «Запомните это имя!» Поздравление с ярким дебютом лично от министра культуры Е. А. Фурцевой. «Золото» на фестивалях в Сан-Франциско, Акапулько. Этот фильм открыл юного Николая Бурляева как блестящего актёра и сделал ещё популярнее прелестную черноглазую Валентину Малявину. Однако маятник судьбы Тарковского вскоре неумолимо качнулся вспять. О мытарствах Тарковского в СССР написано и рассказано достаточно. Прочтите хотя бы его «Мартиролог», эти пронзительно-горькие дневники, которые он вёл с 1970 г. и до смерти 29 декабря 1986 г., его письма отцу, поэту Арсению Тарковскому, где он подписывался «несчастный и замученный ваш сын Андрей». Он сумел снять на родине всего пять картин, и каждая стала сенсацией. А «в награду» - 20 лет изошённой и беспощадной травли «сверху». Но это будет потом. А тогда, в «оттепельные» 60-е, после бурлящей, демократической жизни во ВГИКе, все они, так по-разному талантливые, - Шукшин, Шпаликов, Кончаловский, Климов, Шепитько, Данелия, Хуциев, Тарковский - были готовы перевернуть мир! Но Тарковский даже среди всех них, ярких, отчаянно желавших одного - снимать, явно был наособицу. Говорят, будто Шукшина не брали во ВГИК, потому что он ничего не знает, а эрудита Тарковского - потому что он знает всё. На его приёме настоял сам Ромм, необычайно чуткий на таланты. Дом на Щипке Тарковский впечатлял небывалой внутренней свободой, остроумием, обаятельным артистизмом. Он вовсе не был мальчиком-тихоней. Товарищи юного Андрея, в том числе поэт Андрей Вознесенский, и сестра Марина вспоминали о нём как об озорнике и непоседе: шпана замоскворецкая, типичный «уличный» мальчишка, веснушчатый, вихрастый, в военных галифе и тубетейке, из двухэтажного деревянного дома в 1-м Щипковском переулке. Там в полуподвальном этаже Тарковские занимали две десятиметровые клетушки с окнами в стену. Этот дом на Щипке, связанный с детством и юностью Тарковского, пережил войну, но был уничтожен, медленно разрушаясь, в 90-е гг. XX в. А тогда, после войны... Тарковский дрался, прогуливал уроки, лазил по деревьям, сражался в ножички, играл в пристеночек, расшибалочку и во «взрослый» покер: его карманы были нередко набиты мелкими деньгами, и он незаметно подкладывал их в материну шкатулку - их семейный «банк». Самым сильным его воспоминанием, ощущением детства был голод. После ухода отца из семьи мать Андрея Мария Ивановна на алименты не подавала, хотя осталась с двумя детьми - Андреем и младшей Мариной. Она бросила учёбу на Литературных курсах, уничтожила все свои тексты (а ей прочили будущее в творчестве) и поступила корректором в типографию, где и проработала до пенсии. Бывало ведь и так - Арсений (красивый, талантливый, герой последней влюблённости Марины Цветаевой) выбирал в магазине пирожные для новой супруги, а бывшая жена и мать его детей еле наскребала медяков на хлеб и молоко, в мороз шла пешком по льду в деревню за картошкой, постоянно занимала и перезанимала деньги. Торговала полевыми и лесными цветами - у магазинов, в трамваях, у рынков, на вокзалах... А вечерами записывала в тетрадку - нет, не свои стихи и прозу, как прежде, а «6 руб. 55 коп. - цветы», «2 руб. - батон», «из 2000, что дал Арсений, отдать долги». И всю жизнь эта, как её называли, святая женщина любила бросившего её мужа. Фото: russianlook.com Но каким мощным стимулом стал тот период жизни для Тарковского! Он поистине «родом из детства», и сам постоянно подчёркивал, что всё его творчество - насквозь личное, автобиографическое, оно пропитано самыми главными в жизни человека детскими впечатлениями, страхами, виной, обидами, комплексами. А они были, по его признанию, связаны прежде всего с отношениями родителей и с родителями, с тоской по отцу и подчас суровостью матери. Всё это с мельчайшими подробностями быта, стихами отца и пейзажами близ станции Тучково, где Тарковские жили на хуторе летом, впитало «Зеркало» (1974 г.), вплоть до потрясающей сцены, когда Мать (в её роли - Маргарита Терехова) идёт с сыном (подразумевается - с Андреем) продавать единственное своё украшение - бирюзовые сережки - в дом, где достаток, сытость и нарядная хозяйка (Лариса Тарковская, вторая жена режиссёра). Изгнанник Иностранные киномены и киноведы учат русский, чтобы смотреть фильмы Тарковского без перевода. Западная критика признала его одним из 13 лучших режиссёров мира, а «Андрея Рублёва» (в первом варианте названного «Страсти по Андрею») - одним из ста лучших фильмов в истории мирового кино. Фильмы Тарковского приносили валюту СССР, а сам режиссёр в это время безумно страдал от невозможности работать, бедствовал с семьёй, писал отчаянные письма начальству и в ЦК КПСС... Вообще же он был абсолютно чужд политике. Антисоветчиком, диссидентом, борцом с режимом себя никогда не ощущал. «Мы были изгнанниками, а не эмигрантами», - подчёркивала некогда в интервью «АиФ» и Лариса Тарковская. Просто он с его уникальным даром трагически не вписывался ни в какую систему - ни в советскую, ни в западную (что он понял позже), хотя за границей у него были и награды на фестивалях, и аншлаги в прокате. А как вписался бы он в

нашу нынешнюю жизнь? Он, разлучённый на 6 лет с младшим сыном (которого вместе с бабушкой не выпускали из СССР), ушедший в 54 года от скоротечного рака лёгких, похороненный в чужой земле. Он, русский, религиозный, искренне верующий художник, увы, на столь любимой им родине сегодня тоже был бы пришельцем, чужаком. Прав Александр Сокуров : Тарковского воспринимали либо как гения, святого, либо как сумасшедшего. Он же ценил в кино «дыхание жизни», природу, которую обожал и так тонко, любовно чувствовал: воду, закаты и зори, дождь, колыхание листьев и травы на ветру... Он мог надолго замереть перед деревом, цветком, видя и в природе, и в человеке одно - тайну. И умел эту магию передать в завораживающих, медленно «текущих» кадрах. Он писал: «Как стать Художником? Поверь в Бога». Созерцатель, созидатель своего мира в кино, ценивший одиночество, несуетность, он категорически не принимал господства денег, видел в коммерциализации, общедоступности искусства «опасность для всей его будущности». «Самое важное для меня - не стать понятым всеми», - писал он в дневниках. Но не выносил, когда его называли «элитарным». У него было много замыслов - фильм о Достоевском и экранизация «Подростка» и «Идиота», «Доктора Фаустуса» и «Гамлета». Иные из этих его замыслов оказались воплощёнными. Но - другими.